

*Praslovarska
dialektizacija
v luči
etimoloških
raziskav*

*Ob stoti obletnici rojstva
akademika Franceta Bezlaja*

UREDILI
METKA FURLAN IN ALENKA ŠVIC-DULAR

*Praslovanska dialektizacija
v luči etimoloških raziskav*

Praslovska dialektizacija v luči etimoloških raziskav
Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja
Zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija
v Ljubljani, 16.–18. septembra 2010

© 2012, Založba ZRC, ZRC SAZU

Uredili	Metka Furlan, Alenka Šivic-Dular
Recenzenta	Varja Cvetko Orešnik, Wiesław Boryś
Oblikovanje Prelom	Petra Matijevič Simon Atelšek
Izdajatelj Zanj	Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU Marko Snoj in Slovenska akademija znanosti in umetnosti
Zanjo	Zoran Mezeg
Založnik Zanj Glavni urednik	Založba ZRC, ZRC SAZU Oto Luthar Aleš Pogačnik
Tisk Naklada	Littera picta, d. o. o., Ljubljana 350 izvodov

Izid knjige je financirala Slovenska akademija znanosti in umetnosti.

Besedilo je bilo pripravljeno z vnašalnim sistemom ZRCola (<http://ZRCola.zrc-sazu.si>), ki ga je na Znanstvenoraziskovalnem centru SAZU v Ljubljani (<http://www.zrc-sazu.si>) razvil dr. Peter Weiss.

CIP - Kataložni zapis o publikaciji
Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

811.16'282(091)(082)
811.16'373.6(082)
082.2Bezljaj F.

PRASLOVANSKA dialektizacija v luči etimoloških raziskav : ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja : zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.-18. septembra 2010 / uredili Metka Furlan in Alenka Šivic-Dular. - Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012

ISBN 978-961-254-386-0
1. Furlan, Metka, 1955-
263181312

To delo je na voljo pod pogoji slovenske licence Creative Commons 2.5, ki ob priznavanju avtorstva dopušča nekomercialno uporabo, ne dovoljuje pa nobene predelave.

*Praslovanska dialektizacija
v luči etimoloških raziskav*

*Ob stoti obletnici rojstva
akademika Franceta Bezlaja*

ZBORNİK REFERATOV
Z MEDNARODNEGA ZNANSTVENEGA SIMPOZIJA
V LJUBLJANI, 16.–18. SEPTEMBRA 2010

UREDILI
METKA FURLAN IN ALENKA ŠIVIC-DULAR

Ljubljana 2012

К семантической реконструкции слав. *vesel- и *rad-

Семантический параллелизм гнезд *vesel- и *rad-, свидетельствуемый древними текстами, фольклорными данными и языковыми употреблениями, явился результатом их длительного взаимодействия: семантика воли и действия, изначально присущая корню *rad-, оказалась воспринятой гнездом *vesel-, и наоборот, «чувственная» семантика, изначально характерная для *vesel-, воспринималась гнездом *rad-. Этому способствовал аксиологический фактор: свойственная обоим языковым знакам и соответствующим концептам позитивная оценка.

Ключевые слова: лексическая семантика, семантическая реконструкция, синонимия, семантический параллелизм, этимологическое гнездо, славянские языки, контекст

Слова названных в заглавии гнезд нередко толкуются в словарях (как литературных, так и диалектных) через отсылку друг к другу, например, словен. *rad* в словаре Безлая толкуется как «vesel, srečen» (Bezljaj 3:143), с.-х. *radovati koga ili što* – как «veseliti koga ili što» (RHSJ 12: 919), пол. *radośnie* – как «wesoło, z radością, przyjemnie, miło» (SJPД 7: 797); ст.-слав. слову *веселие* дается дефиниция ‘веселье, радость’ и т.п. Иначе говоря, они трактуются как синонимы. И это понятно: и те и другие связаны с положительным, жизнеутверждающим мировосприятием и одинаково противопоставлены состоянию и ощущению печали, уныния и скорби. В текстах эти слова часто выступают совместно, семантически «поддерживая» друг друга и составляя устойчивый бином: *радость* и *веселье*, *радоваться* и *веселиться*. Ср.: др.-рус. «Радуйте ся и веселите ся яко мзда ваша многа есть на нбсехъ» в Остромировом евангелии (СРЯ XI–XVII 21:123) или: ст.-слав. «радостиѣ радоуисѣ и веселиемъ весели сѣ» (SJS 1: 181).

Тем не менее полными синонимами их считать нельзя. Можно указать по крайней мере два главных семантических различия между ними, которые в неодинаковой степени выражены в разных языках.

Первое семантическое различие двух гнезд, существенное для их этимологического истолкования, состоит в том, что **rad-*, в отличие от **vesel-*, содержит в своей семантике модальный компонент 'хотеть', с чем связан и разный синтаксис слов *vesel* и *rad*. Для **rad-* в большинстве языков и диалектов характерна функция предикатива и глагольный тип «объектного» управления – инфинитивом, отглагольным именем или придаточным предложением (рус. *rad* *помочь*, *rad* *приходу гостей*, *rad*, *что он согласился*), тогда как для *vesel* «объектное» управление, как правило, не характерно. В этом отношении особое место занимает словенский язык, где *vesel* как раз может иметь такое управление и соответствующую предикативную функцию и семантику, ср. в тексте письма-приглашения: «*Želimо Vam srečno pot in se veselimo srečanja*» (по-русски мы бы сказали: *радуемся встрече*); можно предполагать, что такое управление словенского **vesel-* появилось под влиянием синтаксиса **rad-*.

Этот модальный компонент в некоторых языках и некоторых контекстах становится доминирующим, и **rad-* приобретает значение 'хотеть', 'быть склонным, готовым к чему-л.', 'предпочитать', 'любить' и т.п. Загребский словарь дает для с.-х. *biti rad* дефиницию «*htjeti*» (RHSJ 12: 860), польское диалектное наречие *rado* толкуется как «*chętnie*» (Karłowicz 5: 5); словенский словарь объясняет фразы типа *rad bi bil zdrav* как выражение желания; *imeti rad* получает толкование «*ljubiti*»: *rad ima soседovo hčer* (SSKJ 4: 302); ст.-словац. *rad mat'* толкуется как «*milovať*» (HSSJ 5: 10); рус. *я бы рад приехать, да времени нет* означает 'хотел бы', рус. диал. *радеть* в одном из значений синонимично *хотеть, желать*: «Сколько твоя душа радеет» (СРГК 5: 390), ср. еще др.-рус. *радъ не радъ* 'волей-неволей, хочешь не хочешь' (СРЯ XI–XVII 21: 120); украинское *рад чи не рад* соответствует русскому *хочешь не хочешь* (СУМ 8: 428) и т.д. Именно это модальное значение, предикативная функция и большая «глагольность» **rad* дает основание вслед за некоторыми этимологами признать его этимологическое родство с предлогом и послелогом **radi* (ср. аналогичную модель **dělja < *dělati*), глаголами **raditi* и **raděti*, не имеющими до сих пор надежной этимологии.¹ Таким образом, **rad-* обнаруживает изначальную двойственность семантики: «чувственный» компонент *радости* и адъективность сближают его с *весельем*, а модальный (волитивный) компонент и «глагольность» отличают от *веселья*. Эта семантическая двойственность отмечена в словенском этимологическом словаре М. Сноя (Snoj: 598).

Второе семантическое различие двух гнезд состоит в том, что в своих «чувственных» значениях **rad-* и **vesel-* могут соотноситься с разными видами эмоционального восприятия, что особенно ярко выражено в русском языке, где *радость* понимается как более высокое психическое состояние (чувство), как состояние души, а *веселье* – скорее как более низкое, психофизическое состояние, близкое к ощущению и удовольствию (ср. Апресян 2004, Пеньковский

¹ Акциональная семантика **rad-*, характерная для с.-х. *рад*, *радити* 'дело, работа', 'работать, делать', sporadически представлена и в других славянских языках, ср. бел. диал. *рад* 'дело': «Це-жало: адна я, дак і мужчынскі рад і бабскі рад на мне» (Янкова: 301).

1991). Однако в некоторых древнеславянских и фольклорных текстах, наоборот, *веселье* соотносится с высшим, божественным началом, небом и духом, а *радость* – с человеком, землей и телом. Так, в Синайской псалтыри в 95 псалме читается: «Да веселятъ сѧ небеса і радуеть сѧ землѧ» (ср., однако, в книге Пророка Исаяи в синодальном переводе в той же формуле обратное распределение глаголов: «Радуйтесь, небеса, и веселись, земля» – Ис. 49: 13). Субъектами веселья часто оказываются Бог, святые и особенно ангелы: ст.-слав. «въ вѣчное веселие царства небеснаго в'ниде»; «весели се о немь небо и светы апостолы»; «съ радостію же великою похвалиша Бога и весели сѧ Богъ о семъ зѣло» (SJS 1: 181); ср. также формулы благопожелания в польских колядках: «Wywajcie weseli, jak w niebie anieli» (PKL:72), «Będziemy weseli, jak w niebie anieli» (Karłowicz 6: 93); ст.-бел. «оуси патриархове и пророкове веселиса оу великой радости да коли оуси сѣи веселилисе» (ГСБМ 3: 140) и т.п.

Названные два семантических отличия не препятствовали тесному взаимодействию и взаимовлиянию обоих гнезд в процессе их семантического развития, тем более, что эти отличия утрачивали свою остроту и до определенной степени стирались в дериватах *vesel- и *rad- – глаголах *веселиться* и *радоваться*, субстантивах *веселье* и *радость*, прилагательных *веселый* и *радостный* и др., что приводило к их синонимии во многих употреблениях.

Слова гнезд *vesel- и *rad- часто употребляются в одних и тех же контекстах и устойчивых выражениях в разных языках, ср. словац. *zo žítia sa veselili* и рус. *радовались жизни*, словен. *vesel je bil gostov* и рус. *он был рад гостям*, словен. *iz veselega srca* и укр. *з радю душею*, рус. *с радостью* и т.п. Наличие большого числа общих контекстов и общих денотативных сфер у обоих гнезд, их использование в одних и тех же моделях номинации позволяет говорить об их **семантическом параллелизме**. Лексика и веселья и радости используется в вербальном оформлении культурных концептов и соответствующих дискурсов – Рождества, свадьбы, в восприятии некоторых явлений природы (в частности, радуги, «игры солнца») и др. Рассмотрим их подробнее.

Рождество. Мотив веселья и слова *веселье*, *веселый*, *веселиться* являются ключевыми для всего комплекса представлений, связанных с событием и праздником Рождества, а вторично – и с символикой рождения вообще. В народном календаре слова *веселье*, *веселый* используются для номинации связанных с Рождеством дней: в словенском *veseli post* – это ‘рождественский пост’; в польских колядках Рождество называется *wesoła chwila* (веселая минута); рефрен польской колядной песни – «Daj Pan Bóg wieczór, dzień wesoły» (PKL: 200); в Полесье канун Нового года называется *Веселая Щедруха* и т.п., а названия Рождества и дня св. Василия (Новый год) паронимически сближаются соответственно со словами *радость* и *веселье*: «Светое Рожавство радость принесло, Светое Василье взвеселило». В колядках и других поздравительных текстах весть о рождении Христа и само событие получают эпитет *веселый* («Oj, stało nam się wesele, Boże Narodzenie!»); «Dziesiątko się narodziło, wszystek świat rozweseliło, Bóg Ojciec zesłał nam Syna, wesoła z nieba nowina» – PKL: 99, 174). *Веселыми гостями* назы-

ваются у македонцев колядники, ходящие по домам и поздравляющие хозяев с праздником; у хорватов рефрен колядных песен: «*Veselo, veselo!*» и т.п. Главный мотив пожеланий на новый год – быть «веселыми», ср. польск. «*Niech gospodarz wesół będzie...*» (PKL: 273), хорв. «*Čestito vam božić, da se veselite, bog i boginje, zdravlje i veselje*» (ZNŽO 1917/22: 50), а сами действия колядников обозначаются глаголом *веселить*. В польском Подлясье колядники, придя в дом, спрашивают хозяев: «*Panie gospodarzu, pani gospodyni, pozwólcie swój dom poweselić, boskim słowom pocieszyć, aby dom był wesoly. Czy weselić czy nie?*» (Drabik 1992). У сербов ритуальное рождественское полено бадняк в некоторых местах называется *весельак*, а рождественский хлеб – *веселица* (подробнее см. Толстые 1993).

В рождественском дискурсе представлен и мотив радости, хотя и реже, чем мотив веселья или параллельно с ним. Например, в польских колядках поется: «*Same sie kościoły rootwieraly, bo sie Jezusowi uradowaly, haleluja!*» (PKL: 113), где последние слова «потому что обрадовались Иисусу» служат рефреном; словаки говорят, что на Рождество «радуются ангелы и весело поют» (HSSJ 5: 14); у македонцев предводители новогодних дружин, ударяя по плечам хозяев дома, желают им: «*Суро, ај в година порадосни, повесели!*» (Плотникова 2004: 424, № 20). У сербов полазника, т.е. первого посетителя дома в праздник Рождества, встречают с большими почестями и в некоторых районах называют *Радован*. В этом отношении Рождество оказывается в какой-то степени противопоставленным Пасхе, поскольку в рождественском дискурсе доминирует мотив веселья, а в пасхальном – мотив радости. Так, в польских пасхальных колядках *радость* встречается чаще, чем в рождественских, хотя иногда и параллельно с *весельем*: «*Pan Chrystus ... z grobu powstał, nam radości dostał*» (PKL: 347); «*Dziś dzień radości, dzień wesolości*» (PKL: 346).

Веселье и радость могут символизировать не только божественное Рождество, но и обычное рождение человека. В русском языке рождение ребенка называется *радостным событием*; у словенцев о рождении мальчика говорят: *veseli dogodek* (веселое событие); хорваты в этом случае говорят: «У них веселье – родился сын»; ср. словац. диал. *radostník* ‘крестины’ (область Горегроне – Podolák 1999: 190), *radostník* ‘хлеб на свадьбе или крестинах’ (EKL’S 2: 101); в польском день рождения (или крещения) ребенка называется *radošniki, radošnik*; крестины называются также *wesele anielskie* (Karłowicz 5: 5). Магический благопожелательный характер носят личные имена с корнями **vesel-* и **rad-* (известные с древности, но особенно распространенные у южных славян) типа болг. *Веселин*, серб. *Radovac* и т.п., ср. также имя божества балтийских славян *Сварожич-Радгост* (*Radegast, Redegost* и др.).

Свадьба. Известно, что понятие свадьбы во многих славянских языках (украинском, белорусском, польском, диалектах русского, чешского, словацкого языков) обозначается словом **veselbje*, чеш. диал. *veselost* и т.п. Но и там, где общим названием служит **svatbba*, мотив веселья присутствует в номинации отдельных элементов свадебного обряда (обрядовых лиц, их действий, предметов, свадебных блюд и т.п.), а также в текстах свадебного фольклора, особенно относящихся к невесте, которая после венчания и брачной ночи становится «веселой» и

обретает магическую способность и функцию «веселить» свой род и весь мир: ср. рус. ярсл. «Зелена калина весь сад взвеселила! / Как наша Марьюшка да Ивановна / Весь род взвеселила!» (ТОРП: 296).

Мотив радости и лексика гнезда *rad также представлены в свадебном дискурсе разных славянских традиций. В сербском слово *радост* в старых текстах имело значение ‘брак, брачный пир’: «Готови изидоше противу женику своему въ радость» (RHSJ 12: 920). В др.-рус. языке одно из значений слова *радость* – ‘свадьба, бракосочетание’: «Генваря въ 16 день была радость у государя царя... Алексѣя Михайловича всеа Руси. Во отцово мѣсто был бояринъ Борис Иванович Морозовъ» (СРЯ XI–XVII 21: 125). В русских диалектах многие реалии и атрибуты свадебного обряда обозначаются словами гнезда *rad-: рус. диал. волог. *радостный стол* ‘свадебный стол’, ‘стол, на который невеста клала подарки для родни жениха на второй день свадьбы, а также сам ритуал одаривания’ (СВГ 9: 5), ср. в этом же значении сиб. *веселый стол* ‘застолье на 2-й день свадьбы’ (СРГС 1: 134); волог. *радостное полотенце*: «На второй день после свадьбы после «шанек-алашек» из гороховой муки молодых уводят в холодную клеть отдыхать, а гости предварительно должны умыться и утереться «радостным» полотенцем, которое держит молодница, причем ей дают денег» (СРНГ 33: 249). Ср. еще рус. сиб. бурят. *радейник* ‘организатор веселья на семейской свадьбе’: «Без радейника какая же свадьба. Радейник всех ублажать должен»; забайкал. *радушник* ‘то же’; смолен. *рада* ‘свадебная песня’ (СРНГ 33: 246); укр. *радісник*, словац. *radostnik* ‘свадебный каравай’ (Ганудель 1987: 47) и т.п.

Жизнь. Здоровье. Символика веселья присутствует и является доминирующей во многих весенних обрядах славян, таких как встреча весны, ритуальное битье вербовыми ветками в Вербное воскресенье, пасхальные обходы домов, хорватские юрьевские обходы и др. (подробнее см. Толстые 1993). Во всех этих случаях, так же как и при рождественском колядовании, в песнях и приговорах выражаются пожелания «веселья», т.е. жизненной силы, роста, плодородия и здоровья. Например, в белорусской волочебной (пасхальной) песне хозяину желают: «Жыві сабе, весяліся, год ад году, век ад веку!» (ВП: 132).

С мотивом жизненных сил и телесного здоровья связаны приветствия и пожелания, в которых участвует лексика обоих гнезд. В старославянском языке глагол *радоватися* употребляется (по образцу греческого языка) в качестве приветствия, т.е. традиционный возглас «Радуйся!» означает ‘здравствуй!’ (SJS 3: 548). Ср. в тексте XV века: «Приемля еретика въ домъ и глаголя ему радоватися, причащаемся дѣлѣхъ его злыхъ» (СРЯ XI–XVII 21: 124). В этом же значении приветствия может употребляться и *веселье*, например, в Сибири в ответ на «доброе утро» отвечают: «веселый день» (СРГС 1); в старобел. *веселье оповедати* означает ‘приветствовать’: «...сынови своему ... matka веселе оповѣдает» (ГСБМ 3: 142–143). Таким образом, в функции заклинательного приветствия употребляются три лексических знака: *радость*, *веселье* и *здоровье*, закрепившееся в русском литературном «здравствуйте!». В славянских языках засвидетельствованы и такие контексты, в которых *радость*, подобно *веселью*, обозначает физиче-

ское проявление эмоционального подъема – возбуждение, движение, пляску: в историческом словаре словацкого языка *radovanie* определяется как «veselost', plesanie» (HSSJ 5: 14). Но это довольно редкий случай «физической» семантики у **rad-*, ср. еще значение 'пьяный, навеселе': «радѣ очи ему от вина» (СРЯ XI–XVII 21: 120). Она характерна прежде всего для *веселья*.

Мотив веселья и радости присутствует и в сфере представлений о **смерти**. Это связано либо с магией веселья как способа преодоления смерти (таковы известные восточнославянские игры и развлечения при покойнике или южнославянские предписания матери веселиться, петь и танцевать в случае смерти первого ребенка), либо с христианским образом посмертного существования как вечного небесного веселья. Ср. ст.-слав. вечное веселие 'загробное существование' (SJS 1: 181); др.-пол. *wesele niebieskie, rajskie, wieczne*; словен. *šel je v nebeško veselje = umrl je* (SSKJ 5: 414); серб. народное эвфемистическое именование покойника *веселник* и т.п.

В этом же контексте фигурирует и *радость*: др.-рус. радъ в значении 'блажен': «И тотъ радъ, кого застанеть смерть в покаянии» (1653. СРЯ XI–XVII 21: 120); ст.-словац. *večná radost* 'вечное блаженство': «(Bože) chran nas, a po tejto smrtnosti priwed nas wssech do radosti» (HSSJ 5: 12). Мотив радости доминирует в названиях поминальных дней пасхальной недели (что связано и с ключевой ролью концепта радости в пасхальном дискурсе в целом): *Радунница, Радовница, Радунка, Радущая, Радольница, Радованица, Радостное воскресенье* и т.п. Любопытно «этимологическое» замечание Даля: «Повидимому все слова эти от *радъ*, но где же тут радость? Не от *родитель* ли? или от *радеть*?» (Даль 3: 1467). Учитывая весь ряд подобных номинаций и главные мотивы пасхального праздника, можно считать высказывавшиеся сомнения в этимологической связи русского хронима *Радунница* с гнездом **rad-* лишенными основания.

Стихии. Лексика веселья и радости оказывается коррелятивной и в сфере номинации небесных явлений, таких как игра солнца (в Полесье об этом явлении говорят: *солнце веселится* и *солнце радуется*, причем *радуется* говорят об игре солнца именно на Пасху), радуга (в восточнославянских языках обозначается дериватами корней **vesel-*: *веселка, веселуха* и **rad-*: *радуга, радовица* и т.п. – Здесь снова интересно замечание Даля: «Не ручаюсь за сродство радуги с радостью, но, как это было радостное явление Ною, то связь вероятна» – Даль 3: 1467). При этом у **vesel-* круг контекстов и «природных» денотатов шире, чем у **rad-* (ср. серб. *весельак* 'молодой месяц', рус. *весело горит огонь, веселая речка*, чеш. диал. *veselá barva* и т.д.), ср., однако, записанное в районе Дубровника название обряда возжигания костров в канун Иванова дня, Петрова дня или Видова дня *радovanje*, а также с.-х. *radovati* 'об огне) охватывать, сжигать': «А ogañ će paliti i radovat sve što nađe na njoj» (RHSJ 12: 930); пол. «ptaków ranne radowanie» (Karłowicz 5: 5).

Таким образом, разные славянские языки в семантической деривации слов **vesel-* и **rad-* реализовали разные возможности исходной праславянской семантики. Их параллелизм и почти полная синонимия, свидетельствуемая древними текстами, фольклорными данными и общеязыковыми употреблениями, явились результатом длительного семантического взаимодействия обоих гнезд: семан-

тический компонент воли и действия, изначально присущий корню *rad-, оказался воспринятым гнездом *vesel- (как в словенском, словацком и некоторых других), и наоборот, «чувственная» («телесная») семантика, изначально характерная для *vesel-, воспринималась гнездом *rad-. Этому взаимодействию, безусловно, способствовал аксиологический фактор: свойственная обоим языковым знакам и соответствующим концептам позитивная оценка, положительное эмоциональное восприятие жизни, которое объединяет и «физическое» веселье, и «духовную» радость, и семантику желаний, намерения и готовности (*хотеть* значит положительно оценивать объект хотения). Явление семантического параллелизма и взаимодействия двух гнезд в славянских языках не должно игнорироваться при их этимологическом истолковании.

Литература и сокращения

- Апресян 2004 – Апресян Ю.Д. Радоваться. *Новый объяснительный словарь синонимов*. Москва–Вена, 2004. С. 912–915.
- ВП – *Валачобня песні*. Мінск, 1980.
- Ганудель 1987 – Ганудель З. *Народні стравы і напої*. Bratislava, 1987.
- ГСБМ – *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Мінск, 1982–. Вып. 1–.
- Даль – Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 4-е. СПб.; М., 1912. Т. 1–4.
- Пеньковский 1991 – Пеньковский А.Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991. С. 148–155.
- Плотникова 2004 – Плотникова А.А. *Этнолингвистическая география Южной Славии*. М., 2004.
- СВГ – *Словарь вологодских говоров*. Ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГС – *Словарь русских говоров Сибири*. Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975–. Вып. 1–.
- СУМ – *Словник української мови*. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- Толстые 1993 – Толстые Н.И. и С.М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-). *Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., 1993. С. 162–186.
- ТОРП – *Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья*. Сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева. Под ред. Б.Н. Путилова. Л., 1985.
- Янкова – Янкова Т.С. *Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны*. Мінск, 1982.

- Bezljaj – Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana, 1976–2005. Т. 1–4.
- Drabik 1992 – Drabik W. *Obrzędy Podlasia*. Kraków, 1992 (машинопись).
- EKL'S – *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Bratislava, 1995. Т. 1–2.
- HSSJ – *Historický slovník slovenského jazyka*. Bratislava, 1991–2008. Т. 1–7.
- Karłowicz – Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- PKL – *Polskie koledy ludowe*. Antologia. Zebrał, wstępem, komentarzami i przypisami opatrzył J. Bartmiński. Kraków, 2002.
- Podolák 1999 – Podolák J. a kol. *Hel'pa*. Vlastivedná monografia obce. Martin, 1999.
- RHSJ – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- SJPD – *Słownik języka polskiego*. Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. Т. 1–11.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1966–1997. Т. 1–4.
- Snoj – Snój M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, 2003. 2. izd.
- SSKJ – *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1970–1991. Кнј. 1–5.
- ZNŽO – *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. Zagreb.

Summary

Semantic reconstruction of Slavic **vesel-* and **rad-*

The adjectives *рад* 'glad' and *весел* 'merry', as well as the corresponding abstract nouns *радость* 'joy, gladness' and *веселье* 'merriment' do not appear to be synonymous as regards certain Slavic languages and dialects. However, in terms of the context in which they appear, they constitute perfect semantic parallels, cf. Slovak *zo žitia sa veselili* and Rus. *радовались жизни*, Slovene *vesel je bil gostov* and Rus. *он был рад гостям*, Slovene *iz veselega srca* and Rus. *с радостью*. On the level of verbal expression, they convey identical cultural concepts and corresponding discourses (Christmas traditions, marriage ceremonies, natural phenomena such as the rainbow or "Sun-playing" etc.), cf. Slovene *veseli post* 'fasting during Advent', Polish *wesoła chwila, dzień wesoly, wesele* 'Christmas' (note also the chorus in Polish Christmas carols *bo sie Jezusowi uradowaly, haleluja!*), Serb. *Радован* (a ritual name of the first visitor on Christmas day) etc.

Semantic parallelism between the clusters **vesel-* and **rad-* recorded in ancient texts and supported by folkloristic data and various expressions must be seen as the result of long-term interaction: the semantics of *will* and *action*, which originally belonged to the base **rad-* (cf. the synonymous prepositions *ради* and *для* – from **dělati*), were transferred to the cluster **vesel-* and vice versa, i.e. the "sensual" semantics, specific to the base **vesel-*, were taken over by the cluster **rad-*. Doubtlessly, such interaction was supported by the axiological factor, cf. the positive axiology specific to both lexemes and their corresponding concepts.

*Институт славяноведения Российской академии наук
пр. Ленина 32а, Москва, Россия
smtolstaya@yandex.ru*